

К

ому как, а для меня театр — чуть ли не священное действо. Покупка билета не куда-нибудь, а в знаменитый МХТ имени Чехова! Выбора нет: хочу побывать на спектакле именно сегодня, поскольку поезд домой в Воронеж ночью.

Стою у театральной кассы, жду, когда освободится такая же провинциалка из Челябинска. Милые женщины-билетерши в кассе у метро! Они не только одаривают счастьем в виде лощеной бумажной полоски, служащей пропуском в храм Мельпомены, но и готовы выслушать любого, представшего их приветливому взору: и что он хочет, и что уже видел, и даже поделятся собственными впечатлениями. И вот — легкое приятное волнение: представление — через пару часов.

— Что?

— «Сереза».

— Что такое — «Сереза»?

— Не удивляйтесь, это маленький сын Анны Карениной.

— Что? Семейная драма глазами ребенка?

— Ну, как вам сказать, скорее некая схема.

— Схема? По роману Толстого?

— Ну, вроде того, но там в основном монологи Анны в зал. В общем — оригинальный взгляд режиссера.

Должен ли нормальный зрителю интриговать оригинальный взгляд атраляного режиссера? Решаю мгновенно, что должен. Разве не любопытно послушать монологи в зал Анны Карениной? Интересно, что же она расскажет.

— Только понимаете, не знаю, как сказать... Хочу вас предупредить, чтобы вы не пришли потом ко мне ругаться, а то уже выслушала...

Тут, глядя на мое вытянутое испуганное лицо, билетерша, видно, собираясь с мужеством, произносит убийственно ошеломляющую фразу:

— Если хотите окунуться в болото с дерьмом, сходите.

Столбенею. Анна Каренина? Та самая, взбалмошная, трогательно утонченная, взвинченная внезапным вихрем жгучей любовной страсти? Та самая Анна с ее отчаянными всплесками сердечных мук и огненно-сладостной метелью нежных чувств, с ее испепеляюще-ревностной горечью разочарования и яростной истерикой несбыточных ожиданий? И вдруг — такое?..

Маленькая заминка, но размышляю недолго, хотя и понимаю, что владелица случайно не востребованного драгоценного билета на спектакль высказалась откровенно и без затей. Выбора не было. А что, если абстрагироваться от

услышанного и самой делать все выводи? На размышления ушла секунда.

— Беру.

— Три тысячи...

Отправляюсь по маршруту, по пути перекусываю в кафе кофе-пирогом, и вот он — вожделенный.

«Любите ли вы театр? Нет-нет! Любите ли вы театр, как люблю его я?» От внезапной, мимолетно промелькнувшей чужой мысли становится жарко, как-то тревожно и оттого еще больше волнующе. Вот через какие-то четверть часа — она, прекрасная и знаменитая, до безумия счастливая и еще до большего безумия несчастная, по воле судьбы оказавшаяся в пленительно-чувственном омуте — и не имевшая ни малейшей возможности не пренебречь приличиями света... Нет, просто прекрасная! Она не может быть иной! Ее, дерзко обворожительную, невозможно не понимать, хотя и без сомнений осуждая ее последнее жизненное решение. Она — противоречивая и единственная, она — неповторимая на все времена. А вот если бы великий моралист Лев Толстой пощадил ее бедную жизнь, наверное, была бы образом совсем иным — обычным, вызывающим лишь только жалость — и, может быть, забытым.

И вот — огромный переполненный зал. «Сережа» в постановке режиссера Дмитрия Крымова.

Поезд из Москвы в Петербург. В купе с Анной (актриса Мария Смольникова) графиня Вронская, возбужденно и залиристо смеясь, рассказывает про глисты у маленького сына, и как она лечила их много лет назад. Достойная тема для представившегося знакомства и сближения женщин, выросших в дворянских усадьбах! Легкое дуновение от того самого «душистого» лесного озера, рафинированной столичной кассиршей предсказанного?..

При резком торможении вагонов сверкающими фейерверками из чемоданов выстреливают интимные предметы женского туалета. Лифчики? Должно быть, «игриво-изящная изюминка» в духе времени с претензией на этакую

легкую невинно-изысканную пикантность? Даже на мой провинциальный вкус — плосковатенько, пошленько и совсем не смешно.

На перроне, как и следует ожидать, пожалуй, самый знаменитый в русской классической литературе ловелас — флигель-адъютант Русской императорской армии Алексей Вронский (Виктор Хориняк). Глазам не веришь — это тот самый офицер, вышколенный и безупречный во всем своем великосветском блеске граф? Не может быть. Этому беспомощному маменькиному сынку, не умеющему сделать самостоятельного шага, удалось покорить сердце очаровательной замужней женщины? Невнятное, бледное, расплывчатое существо, мямлящее что-то невразумительное — это Вронский Льва Толстого? А где же пыл неожиданно вспыхнувшего любовного головокружения? Однако знакомство состоялось.

Впрочем, режиссер спектакля честно предупредил: «Сережа» — это не «Анна Каренина», это спектакль не по роману, а по его мотивам. Как бы фрагмент». Только вот первые же «мотивационные» сцены как-то уж слишком очевидно являют зрителю их произвольно измышленный выверт.

И вот она в Москве, дома, она — пленительная толстовская героиня, потрясшая воображение всего читающего человечества.

— Я — Анна Каренина. Я от Толстого, Льва Николаевича, как понимаете. Это он создал меня, я перед вами, такая как есть, и вот уж полтора столетия живу собственной жизнью, свободной и независимой от его несравненного пера. Кто он теперь для меня (тут снова вспоминается билетерша и ее чистосердечное предупреждение)... Вы знаете, у меня есть муж. У меня замечательный муж! Ну, просто замечательный! Ну, такой замечательный! Ну, невозможно — какой замечательный муж! Он никогда не отдыхает. У нас в доме идеальный порядок. Сейчас я расскажу вам про него одну исключительно характерную особенность, не поверите, но я-то

знаю. У него все трупы — подписанные. Да-да, подписанные! Ну, вы же знаете — в месяце четыре недели. Так вот на них и написано: первая неделя, вторая неделя, третья неделя, четвертая неделя. И носит он их строго по надписи. Я сама вышила! Вот. Вот такой он у меня...

Пытаюсь ушам не верить. Цепенею от услышанного. Уж не глуповато ли умишком это изящное, не лишнее аристократического шарма дитя? Или, может, это интеллектуально ущербный персонаж, пусть из дворянского сословия?

Но довольно — вот он, Каренин, чопорный до тошноты педант в абсолютном исчислении. А вот и первый шаг в то самое, с запахом кирпичного беленого сортира вкупе с удушающей хлоркой на длинном транспортном перегоне, о котором предупредила билетерша.

Появляется сам (Анатолий Белый): молод, элегантен, статен, красив, с восхитительно живописным кружевом оленьих рогов на голове. Как он их вынес, это надо видеть! Он вынес на сцену свои роскошно плетеные рога с таким благородством в облике, какому мог бы позавидовать и сам Андрей Болконский с лицом Вячеслава Тихонова, уходя победителем с ратного поля. Тоже «режиссерская находка по мотивам»? А не позаимствованная ли у великого писателя сценка, образно выражаясь, подсмотренная сквозь окно, занавешенное узорчатым тюлем?

— Я расскажу вам одну вещь. У меня была очень умная бабушка. Когда-то меня сильно впечатлили ее слова о том, как должна распорядиться собой великосветская дама, чтоб другие из ее же круга умерли от зависти: «Лучше позор, чем никогда!»

— Ой, у меня же есть толстовская фраза: «Здоров ли Сережа», я ее сейчас скажу ему. — Анна поворачивается к мужу, занятому какими-то деревяшками-поделками, какой-то миг словно любит его короной на голове и с чувством выполняемого долга произносит:

— Здоров ли Сережа?

— Здоров.

Заботливая, соскучившаяся по ребенку за время отъезда мама, однако. Но ведь «оригинальный авторский взгляд», сказано же!

Меж тем, на сцене — долгий, унылый, до ужаса бессмысленный уклад жизни семьи. Каренин бесконечно что-то мастерит или чинит, Анна заставляет слуг выполнять какие-то мелочные домашние дела: то перемещать мебель туда-сюда, то в определенном порядке перекладывать книги в шкафах, то переставлять посуду в буфетах, то без конца протирать несуществующую пыль. Она вся в стихии приземленно-бытовых дел. Может быть, это своеобразный тайник для ее потаенных чувств? Или две параллели, которым никогда не пересечься?

Вскоре до Каренина доходят не подлежащие опровержению слухи о великолии его аллегорических рогов.

— Я должен тебе сказать, я — твой муж. Я ошибся, да?

Каренин сбивчиво пытается объяснить жене, что ее поведение в свете предосудительно, выходит за пределы нравственных понятий в обществе и тем самым бросает тень на его чиновничью репутацию и на честь всей их дворянской семьи. Но какое эгоистичной Анне до этого дело! Она, крича и теряя всякий стыд, в надменно-оскорбительной форме объявляет мужу о ненависти к нему и своих нежных чувствах к Вронскому.

Впрочем, правил света никто не отменял, внешние приличия продолжают соблюдаться неукоснительно. А что же Вронский? Он явно не умеет обращаться с женщинами. Как клоун на цирковой арене, смешно и нелепо затевает перед Анной какие-то метафорично комические игры. Всегда в сопровождении матушки, быстро начинает тяготиться своим нелепым, совсем ненужным романом с замужней дамой.

Однако любовь Анны кажется то ли стремительно тающей, то ли и вовсе сомнительной. Не для того ль она увлеклась Вронским, чтобы на себе испытать

бабушкину идею, о которой в начале спектакля с горделивым пафосом сообщила публике?

Эгоцентричная и легкомысленная, как смертельной болезнью она заражается чопорностью и педантизмом мужа. Ближе к концу пьесы становится ясно, что никакой любви, никакого Вронского в ее жизни больше нет. Есть диваны, шкафы, полки с книгами, люстры, посуда, ковры и эфемерная пыль. С некоторых пор — это ее стихия, ее мир, незбылемый и вечный, как восход и закат. Прежней, и без того непривлекательной Анны нет, есть какой-то ходячий и говорящий манекен в огромном черном мешке, отдаленно напоминающем платье некоей гигантской дамы. Каренин совершенно не узнает ее, он психологически подавлен и бунтует необузданно и дико. Не владея собой, срывает скатерть с длинного, как дорога, праздничного стола, обращая в осколки дорогую фамильную посуду, тем самым символизируя крушение недавней благопристойной жизни. Обвиняя Анну в супружеской измене и трагично осознавая свою отвергнутость, он кричит душераздирающе и страшно, пытаясь доказать ей, в какое ничтожество она превратила свое прежнее реальное очарование, — и не понимает истинного положения вещей.

Сережа? Какой Сережа! Ребенок появляется на сцене в образе куклы-марионетки в натуральную величину, ведомой тремя кукловодами. Надо полагать, еще одна «изюминка авторского воображения»: заглавный герой — кукла! Его опекают няни, воспитатели, учителя; обучают грамоте, математике, французскому, игре на фортепьяно... Сережа иногда недоволен, порой жестко протестует против насилия и вторжения в его внутренний мир и даже ожесточенно дебоширит.

В одной из финальных сцен Анна случайно замечает сына в его детской кроватке, подходит к нему с неожиданно вспыхнувшей материнской лаской и вдруг видит перед собой взрослого юношу. А главное — живого, который, едва

увидев мать, медленно уползает по вертикали вниз сквозь пол и пространство, должно быть, в землю, у нее на глазах. Анна ошеломлена и не понимает, куда делся Сережа: вот только что был на расстоянии руки и уже нет, она в неподдельном ужасе. Это единственный волнующий и по-настоящему трогательный эпизод, а «режиссерская находка», как ни крути, — родом из родимой Ясной поляны.

«Анна Каренина», кажется, давно и скрупулезно исследована. И вот зачем-то понадобилось «новое видение» великого произведения классической русской литературы, бульварно-пошлое, эпатажное и шокирующее. Для кого создавалось это невероятное извращение? С каким чувством публика должна выдерживать сцену родов полулежащей на стуле Анны в присутствии десятка сгорающих от любопытства свидетелей, в том числе Каренина и его несостоявшегося соперника? Из глубин складок ее длинного, невообразимо широченного одеяния, подаренного матерью Вронского, появляется новорожденный плод вместе с пуповиной в виде веревки белого цвета толщиной с морской канат:

— Мальчик или девочка? — слышится чей-то голос.

Меж тем пуповину ловко хватают руками, словно фокусники в балагане, пятеро здоровенных мужчин из челяди. Элегантно жестикулируя, они тянут воплощающую ее веревку из чрева измученной Анны, изящными движениями наматывают на свои могучие тела. Акробатически извиваясь, залихватски взмахивают как хлыстом над вздыбленной лошастью. Артистически запутываются и распутываются, одновременно томно пританцовывая что-то напоминающее мужскую партию па-де-де из «Щелкунчика» под какую-то тихую лирическую музыку.

— Мальчик или девочка?

Но слуги кривляющимися скоморохами все тянут и тянут из утробы бесчувственной Анны это бесконечное уродство экзальтированного «режиссерского взгляда» — тем самым, видимо,

метафорично изображая вместе с младенцем рождающуюся драму его ненужности.

— Мальчик или девочка? — снова и снова бесстрастно вопрошает чей-то абстрактный голос, так и не получая ответа. Уж куда как прозрачней: не все ли равно, какого пола новорожденное существо, с трагичной обреченностью криком извещающее белый свет о своем бессмысленном появлении.

Вытащенной из недр тела несчастной героини и валяющейся на сцене пуповины-веревки было метров 40, если не больше. От увиденного сначала содрогаешься, а потомходишь в ступор тупого безразличия: все действие окончательно обрело черты омерзительного гротеска. Хотя, как ни извращен сюжет Толстого, все же рядом с обессиленной Анной — оба, Каренин и Вронский. Анна уговаривает мужа простить ее бывшего любовника за причиненные страдания. Тут, по всей видимости, «оригинальное режиссерское воображение» дало неожиданный сбой, предательски иссякло и было вынуждено «скатиться» к первоисточнику.

Спектакль завершается душераздирающей сценой с обезумевшей Анной. Никакие прежние чувства ее не волнуют. Мужчин нет. Нет даже детей. Никакого поезда тоже нет. Зато есть героиня

с задранной на голову юбкой и оттопыренной пятой точкой, истерично посылающая в зал вопли-вскрики.

В финальной сцене Анна, как будто просветлев разумом, объясняет публике идею о том, что никто никому ничем не обязан. Другими словами — жизнь перед человеком ставит вопросы, а отвечать на них он не должен.

Зрительный зал, стоя, аплодирует долго, горячо и восхищенно. С особым восторгом был встречен в изящном поклоне «Сережа» с тремя своими учтиво согнутыми над ним воспитателями. Преподнесенные ему цветы были галантно переданы Анне...

Так что же это было и откуда оно взялось? К великому прискорбию, положение вещей в современном обществе — как оно есть, без масок и прикрас — нормально мыслящего человека не может не поражать. Увы, в спектакле «Сережа» МХТ имени Чехова как в зеркале вырисовывается сущность нашего оскалившегося времени: традиционно духовная цивилизация русского мира за какие-то четверть века на наших глазах претерпела такие уродливые изменения, которых не было за всю ее историю. Кажется, что русского театра больше нет...

Но ведь с этим что-то нужно делать...

И кто это будет делать, если не мы?..

